

УДК 821.161.1:655.52

Е. И. Харитоненко

**ОБРАЗЫ ПЕЧАТНОЙ КУЛЬТУРЫ
В ЛИТЕРАТУРЕ И ПУБЛИЦИСТИКЕ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА
(ПО МАТЕРИАЛАМ «КИЕВСКОЙ СТАРИНЫ» 1882-1900» гг.)**

Аннотация.

Харитоненко Е. И. Образы печатной культуры в литературе и публицистике второй половины XIX века (по материалам «Киевской старины» 1882-1900 гг.)

Описаны основные концепты журнализма и книжной культуры, которые использовались писателями и публицистами конца XIX в. для раскрытия особенностей функционирования печатного слова в обществе. На материале произведений Н. Лескова, Т. Шевченко, Ганны Барвинок и очерков, мемуаров, напечатанных в журнале «Киевская старина» в 1882-1900 гг., показано, как образы автора, читателя, редактора, книги, газеты, библиотеки, актуализированные в сознании человека той эпохи, моделировали дискурс литературной рефлексии – как на идейном, так и на стилевом уровнях. Избранный объект исследования помогает раскрыть особенности рецепции произведений печати в Украине XVIII-XIX вв.

Ключевые слова: книжная культура и общество, журнализм в литературе, образы книжной культуры, рецептивная эстетика.

Литературный процесс тесно связан с издательской и журналистской деятельностью, иными словами – с областью печатной культуры, формируемой в обществе в тот или иной период. В цепочке «писатель – издательство – журналистика – читательская среда» все звенья спаяны. То, как меняются представления всех этих участников литературного процесса друг о друге, как эволюционирует характер их взаимодействия, влияет не только на культурную атмосферу общества, но и непосредственно на представление о функциях литературы, образную, стилистическую, жанровую составляющие поэтики произведений.

Образы книги, журнала, газеты, библиотеки, издательства, книжной лавки, редактора, журналиста, читателя, а также мотивы письма, чтения, редактирования уже более ста лет анализируются в рамках книговедения, истории журналистики, литературоведения [1].

Однако следует отметить, что изучение взаимодействия литературы, журналистики и книжной культуры – предмет настолько разносторонний и масштабный, что вряд ли когда-либо может быть исчерпан. Методологические сложности в его рассмотрении состоят в том, что приходится учитывать историческую, социальную, культурную конъюнктуру конкретных эпох, множество слоев общества как воспринимающей литературу среды, огромное количество металитературных источников.

Задача этой статьи – описать и проанализировать концепты журнализма и книжной культуры в литературных и публицистических произведениях, опубликованных в журнале «Киевская старина» (1882-1900). Это частично поможет осознать особенности «диалога» украинского общества и украинских, русских, польских писателей XIX столетия.

В 1883 году (№№ 2-4) «Киевская старина» опубликовала «отрывки из юношеских воспоминаний» Н. С. Лескова «Печерские антики». В произведении отражены киевские впечатления писателя 1849-1857 годов.

Описывая наиболее существенные, с его точки зрения, явления словесности той поры, Н. С. Лесков упоминает имена Андрея Ивановича Подолинского («не писал ничего»), редактора «Домашней беседы для домашнего чтения» Виктора Ипатьевича Аскоченского (в главе 25 описан «Дневник», который «имеет характер сочиненности», в главе 40 – речь, произносимая кандидатом епископства, названная Лесковым «одним очень драгоценным и интересным литературным кладом»), Альфреда фон Юнга (фон Юнка, добрейшего парня, «совершенно безграмотного и лишённого малейшей тени дарования, но имевшего неодолимую и весьма разорительную страсть к литературе», который «что-то пустил с своего Олимпа, но что именно такое – не помню»). Также названа девица, которая «написала много маленьких и очень плохих стихотворений, которые были ею изданы в одной книжечке под заглавием: "Чувства патриотки"» [2, 299].

Гротескный образ «писательского Олимпа» Лесков формирует не только благодаря упоминанию маргинальных явлений литературного

процесса, но и щедро добавляя иронию, стилистику анекдотического повествования: «Кроме Виктора Ипатьича, тогда в Киеве водились еще и другие поэты, в плоской части доживал свой маститый век Подолинский, а по городу ходили одна молодая девица и один молодой кавалер» [2, 298].

Юмористический дискурс о писателях, которые не пишут, или пишут чепуху, усиливается описанием читателей, которые не читают: Подолинского «позабыли», об Асоченском никто из киевлян не создаст «беспристрастной заметки», Юнг «встречал отовсюду страшные насмешки», стихотворения «совсем не шли, и Должиков иногда очень грубо издевался над этой книгою, предлагая всем “вместо хлеба и водки – чувства патриотки”» [2, 299].

Из околелитературных явлений Н. С. Лесков упоминает подольскую «Аптеку для души» – библиотеку Павла Петровича Должикова, а также Юнга – редактора газеты «Телеграф» («Киевский телеграф»). Последний охарактеризован как «пионер периодического издательства», «дедушка киевских газет», «маньяк», который «все издавал, пока совсем не на что стало издавать» [2, 301].

Писательская, журналистская, читательская среда Киева смоделирована Лесковым, безусловно, с учетом исторических реалий, но в большей степени она интересна как факт литературный. Этот пародийный и провоцирует своеобразный металитературный дискурс, в котором иронически обыграны процессы социальной и культурной демократизации общества, появления читателя-обывателя и массовых форм словесности.

Примечательно, что Н. С. Лесков эксплуатирует стилистические приемы и жанровые формы газет и журналов того времени. В «Печерских антиках» собраны тексты, которые в жанровом отношении напоминают очерки, мемуары, анекдоты (житейские истории), заметки, публикуемые в прессе. На стилевом уровне повествование ведется в родной для писателя манере сказа, однако рефлексия повествователя по поводу услышанных и воспроизведенных фактов близка к традициям журнализма того времени.

Так, например, повествователь отмечает: «Рассказывалось именно так, что при этом переговоре было упоминаемо про "зиму" и про "холод", и читатель не должен смущаться, что дело происходило во время летнего

наезда бибииковской тещи в свое имение. Вскоре мы опять увидим... веселое знойное лето». Точно так воспроизведение слухов и сплетен, и, вместе с тем, озвучивание сомнений по поводу правдивости источников и данных – типичная практика корреспондентов газет и журналов той поры, например: «[...] из Копенгагена пишут: прибывшие сюда корабельщики рассеяли слух, что будто бы остров Мадера поглощен вулканическими извержениями. Надеются, что слух сей не подтвердится» [3, 181-182].

В духе газетных опровержений написано и «последнее сказание» «Печерских антиков»: «Всем показалось, что мною описана киевская местность и "событие, случившееся тоже в Киеве". [...] Позволю себе ныне заметить, что первое совершенно справедливо, а второе – нет. Местность [...] действительно похожа на Киев [...], но такого происшествия [...] в Киеве никогда не происходило, то есть никакой иконы старовер не крал [...]»[2, 325].

В «Печерских антиках» есть еще два высказывания Н. С. Лескова о роли книжности в обществе, которые не включены в картины литературного быта, но свидетельствуют о лейтмотивах литературной полемики той поры. Писатель оспаривает тезис епископа Амвросия Ключарева (редактора журнала «Душеполезное чтение» и автора книги «Два публичных чтения о свободе печати с точки зрения православной церкви») о том, что писателям «лучше бы не родиться». Кроме того, в описании похорон «преподобного Ефима» сказано: «Не каждого так проводят даже и из тех, кои "посягли все книги кожаны"». То есть повествователь Лескова, с одной стороны, выступает в защиту книжности, с другой – приравнивает «книжников» к «морализаторам» и «фарисеям».

С 1886 года «Киевская старина» публиковала повести Т. Г. Шевченко на русском языке «Близнецы», «Художник», «Прогулка с удовольствием и не без морали». В них множество мотивов связаны с ситуациями поиска книги для чтения, обсуждения прочитанного, самого процесса чтения (описываются театрализованные практики чтения вслух, герои, уснувшие над книгой), противостояния автора и читателей – большинства, не способного понять и оценить усилия писателя. В «Близнецах» и «Прогулке...» описываются также особенности создания и восприятия произведений периодической печати – газет и журналов.

Т. Г. Шевченко показывает наиболее типичные образы читателей того времени: это человек, относящийся к книге благоговейно и разбирающийся в литературе; человек, читающий что попало, чтобы скрасить досуг или в угоду моде; человек, равнодушный к словесности и даже опасющийся вредных влияний книжных идей; притворщик, ничего в литературе не понимающий, но много и амбициозно рассуждающий на литературные темы; человек, искренне ненавидящий литературу и с удовольствием отправивший бы Гуттенберга на костер. Кроме того, в повестях находим достаточно образов, связанных со средой книжной культуры: упоминаются книжные лавки, домашние библиотеки, книга описывается как предмет материальной культуры (акцентируется внимание читателя на качестве издания, на наличии дарственных подписей, или пометок, портящих книгу, на цене книги, ее толщине, количестве иллюстраций, необходимости разрезать страницы и пр.).

Среди наиболее важных для Шевченко идей, связанных с осмыслением роли книги в обществе, можно выделить такие: необходимость просвещения и воспитания средствами словесности; читательская невосприимчивость в лучшем случае и в худшем – превратное понимание мыслей писателя; важность умения понимать прочитанное; эгоизм и черствость образованного средствами книжности человека.

Повести Т. Г. Шевченко – интереснейший источник сведений о том, как создавались, воспринимались, распространялись произведения печати в Украине середины XIX века. И отношение к книге, и практики чтения демонстрировали совмещение традиций XVIII века с новшествами зарождающейся культуры массового читателя. С одной стороны, книг было мало, постоянно и вслух перечитывались одни и те же тексты, не было дифференцированного отношения к изданиям разных видов и различным жанрам литературы, книги воспринимались как сакральные предметы материальной культуры, сохранялись опасения по поводу вреда чтения. С другой стороны, интенсивное чтение постепенно начало замещаться экстенсивным, понимание прочитанного часто было поверхностным, литература десакрализовалась и становилась объектом моды.

Кроме того, анализируемые образы и мотивы в повестях Т. Г. Шевченко дают возможность утверждать, что с их помощью писатель моделирует своеобразную картину мира, в которой мифологизируются и

противопоставляются сакральный и профанный тексты книжной культуры. Так, в «Близнецах» весь сюжет, связанный с появлением близнецов в семье Григория Сокири и их воспитанием, – проекция на библейскую историю Исава и Иакова, сыновей Исаака [4, 174-175]. Книга книг, таким образом, осознается как образец, который неправильно, травестийно воспроизводится в быту старосветских помещиков, разночинцев и военного сословия середины XIX века. Т. Г. Шевченко не единожды воспроизводит комичные ситуации, связанные с попытками героев-читателей постичь тайны письма и Слова. К тому же, писатель открыто пародирует литературные штампы (например, архаичные формы обращения к читателям) и формы повествования (высокий стиль часто не соответствует бытовому характеру описываемых событий). В «Прогулке...» повествователь, для которого книга – «хлеб насущный», намеренно и последовательно противопоставляется всем, кто ленится читать, спит над книгами, скупает их для перепродажи, тешит свое тщеславие пустопорожными восторгами о нечитанных текстах. Таким образом, Т. Г. Шевченко в своих повестях не только скрупулезно описывает и анализирует картины книжной традиции своего времени, но и мифологизирует их, намеренно выстраивая дихотомию идеального и реального топосов книжности в социуме.

Мотивы книжности и читательства находим и в повести Ганны Барвинок (Александры Белозерской-Кулиш), опубликованной в «Киевской старине» (№ 12, 1888 год): «Для чего ты читаешь, когда в сердце добра не набираешь? Ты только гордишься своим разумом, а сердце твое окаменело... Никакого следа тебе чтение не оставляет» [5, 488-489]. Судя по всему, это распространенный в украинской литературе того времени концепт. В повестях Т. Г. Шевченко часто описывается парадокс: чтение должно облагораживать человека, делать его мудрее и добрее, а этого на самом деле не происходит. Страстный читатель, напротив, становится более эгоистичным и безучастным к судьбе ближних.

Интересный материал для анализа мотивов «печатной культуры» представляют очерки и мемуары «Киевской старины». Так, герой очерка «Борозны» (из постоянной рубрики «Люди старой Малороссии») Лаврентий Владиславович Борозна – один из украинских помещиков XVIII века. За свои «затейки» он был признан «умовредным». В частности, он ут-

верждал, что «ежели не праведного человека убить, то никакого ответа пред Богом не даст, но еще за то и особливое получит спасение» [6, 385]. Для нас интерес представляет то, что на страницах журнала разворачивается своеобразная дискуссия, можно ли причиной сумасшествия считать книги.

Александр Матвеевич Лазаревский, один из редакторов журнала и автор очерка, в самом тексте приводит свидетельство жены Лаврентия о том, что «умопомешательство ему приключилось как от чрезмерного пьянства, так и от *многого писания и излишнего чтения книг*» (выделено курсивом в оригинале. - Е.Х.) и он «больше всего проводит время запершись в комнате, в письме и чтении» [6, 385]. Очеркист считает необходимым в самом тексте и примечании написать такой комментарий: «.. мы лишены возможности дополнить рассказ жены и ничего не можем сказать о роде чтения; тем не менее, судя по тем убеждениям Лаврентия Борозны о невменяемости убийства "неправедного человека"... можно думать, что чтение это выходило из книжного обихода тогдашнего общества» [6, 386]. Таким образом, мы видим своеобразные дебаты читателей XVIII и XIX веков о вреде или пользе чтения и о книге как источнике опасных или, наоборот, полезных идей.

Немалый интерес представляют и мемуары Константина Александровича Рощаховского – Бобринецкого и Елисаветградского предводителя дворянства и просветителя. Автор предисловия к мемуарам (А. Р.) находит нужным описать сам процесс создания произведения: «...он больше всего писал, оставив чтение книг своей богатой библиотеки. По рассказам жены, ночью в кабинете он часто ходил и читал вслух написанное, чтобы продолжать писать» [7, 401]. Кроме того, и сам Рощаховский акцентирует внимание на своем пути от читателя к писательству и пути книги от рукописи к публикации, печатанию: «...До сих пор я все читал, учился у других; а теперь, на пятом десятке лет, родилось желание, чтобы другие читали мои мысли. Но стоят ли они того, чтобы их печатать?..» [7, 407].

Ключевые опасения мемуариста сосредоточиваются вокруг вопроса, будут ли его идеи восприняты и поняты. Он с большим недоверием относится к читателям: «Счастье, если пробегая чужие идеи в печатной книге или журнале, ум их <читателей> в состоянии сосредоточиться до той

степени, чтобы сколько-нибудь понять эти идеи и ими заинтересоваться» [7, 407]. Это опасение быть превратно понятым читателями – ровесник письменной культуры. Причиной актуализации этого мотива в XIX веке был очередной виток демократизации культуры и появление массового читателя, неподготовленного, недостаточно образованного, и, следовательно, способного использовать почерпнутые из книги истины вопреки воле и ожиданиям автора.

Материалы «Киевской старины» свидетельствуют также о том, что в сознании человека той эпохи уже сформировался образ редактора. Ключевые характеристики этого образа во множестве вариаций воспроизводятся и теперь. Это упоминания о тяжелом труде редактора, а также о его скромности. Довольно типичной можно считать антитезу «редактор – читатель». Последний предстает в образе бесчувственных и необразованных масс, не способных оценить духовный подвиг. Приведем отрывок из читательского письма в редакцию «Киевской старины» за подписью В. Г.: «Я хочу вспомнить о том невидимом, огромном труде, который он <Ф.Г. Лебединцев> вложил в основанную им "Киевскую старину", труде, который... свел его в могилу. [...] Как в театре публика не думает о режиссере, так, читая журнал, он забывает о редакторе... Она не знает той массы недомыслия и умственной слабости, которую приходится отвергать, не знает процесса переработки, предшествующего появлению многого в печати» [8, 65].

Аналогичное отношение видим не только к редактору, но и к печатникам в целом. Демонстрируется осознание того, что изобретение печатного станка – великое открытие, а работа типографа – великий трудовой подвиг. Но точно так же, как и в предыдущем примере, читатель «Киевской старины», подписавшийся Я. В., подчеркивает неуважительное отношение читателей к печатному слову: «С тех пор, как перестал работать на типографском станке незабвенный наш первопечатник, книжное дело ушло у нас далеко вперед: мы дожили до таких усовершенствований в этом деле, что если бы Иван Федоров воскрес и взглянул на них, ему пришлось бы снова умереть от изумления; что тогда было делом целых годов, теперь является в несколько дней. Мы пишем и печатаем такую массу книг, журналов, газет и брошюр, что не успеваем даже читать все-

го – и рядом с этим, пользуемся печатным делом, как орудием... грубоцинических целей, не уважая печатного слова...» [9, 693]

Некоторые любопытные сведения содержат и статьи, касающиеся непосредственно развития периодической печати [10]. Журналисты пытались сформулировать задачи прессы и литературной критики, понять характер читательской аудитории, описать содержание изданий и стиль публикаций.

Читательская среда, по мнению автора (криптоним – С. Р.) статьи «Харьковская журналистика начала настоящего столетия», уже с начала столетия была готова к восприятию книг и журналов: «В провинции нарождался мало по малу класс интеллигентных людей, прислушивающихся к тому, что делалось на Божьем свете, людей, уже нуждавшихся в книге, журнале, газете...» [3, 173].

Кроме того, читатели с любовью и трепетом относились к первым периодическим изданиям, появившимся на территории Украины. Отмечается также, что на протяжении столетия ситуация кардинально изменилась: «встречаем письмо к издателям от читателя; в нем столько наивной симпатии и добродушной простоты, какой мы не видим теперь в отношениях между читателями и редакцией» [3, 178]. Однако не менее частотны и нарекания на равнодушие тех, «для кого наши писатели проливают пот и чернила» [3, 189].

Задачи периодики формулировались в нескольких направлениях: распространение патриотизма («читателей познакомить с их родиной и воспитать героическое чувство любви к ней» [185]), воспитание вкуса ко всему полезному, изящному, приятному («у нас нет еще верно вкуса, но вместе [...] стремление к приобретению оного» [3, 188]), формирование литературной критики («критика полезна, необходима [...] Ремесло критика и без того уже ненавистно и производит едва ли не омерзение [...] следственно он должен уметь смягчая его делать не столько отвратительным» [3, 193]).

Журнал, чтобы «удовлетворять желаниям подписчиков», должен был содержать – и это часто становилось предметом рефлексии многих писателей – целый ворох всякой всячины: публиковались сведения «о театральных представлениях, и о книгах, поступивших в продажу, и о крепостном человеке, бежавшем от своего помещика и укравшем хомут, и об

открывающихся пансионах, и о том, что в университете продается студенческий мундир и при нем шпага... Но кроме торговых сведений, газета следит и за умственной жизнью того края, сообщает об всех открывающихся училищах [...] описывает крупнейшие события, смерть выдающихся лиц; сообщают, что в окрестностях Батурина убит черный медведь, что в реку Дон обвалилась большая часть горы...» [3, 179]

Кроме того, поскольку газеты печатали множество «партикулярных писем», замещая таким образом репортажи частными корреспонденциями, информационный пафос заметки сочетался со стилистикой житейской истории и анекдота, например.

Акценты делались на оперативности («с сего времени, получая заграничные новости ближайшим путем и непосредственно, будут в состоянии сообщать почтеннейшей публике полуденных губерний хотя некоторые из них прежде всех других газет» [3,182]) и сенсационности («Известия из границы в первые годы выхода газеты носят еще какой-то наивно-сказочный характер и лишены достоверности... "На острове Итаке *кажется* (!) произошло некоторое возмущение между тамошними богатыми корсарами". "Из Парижа пишут: вчера и сегодня его величество король наш трудился в кабинете своем с герцогом Ришелье долее обыкновенного". "Из Италии пишут, что одна женщина в Риме разрешилась от бремени уродливым ребенком с рыбьей головой"» [3, 181-182]).

На основании анализа произведений, опубликованных в «Киевской старине» в 1882-1900 годах, об особенностях функционирования образов печатной культуры в литературе и публицистике можно сделать следующие выводы: 1) литература конца XIX века скрупулезно фиксировала все детали бытования книжной культуры и журналистики в социуме: описывался круг чтения и читательские практики; фиксировались изменения в отношении общества ко всем участникам литературного процесса – писателям, читательской аудитории, журналистам, редакторам; дискутировались вопросы о функциях литературы, ее просветительском и воспитательном потенциале, пользе и вреде печатного слова; 2) на стилевом уровне проявлялись тенденции к пародированию форм повествования, которые соотносились с представлениями о традиционной книжной культуре; вместе с тем, в структуру повествования произведений художественной литературы активно вводились приемы газетных и журнал-

ных публикаций, а именно: детализированные описания разнородных событий без учета их важности для раскрытия темы; акцентирование внимания читателя на достоверности или недостоверности изложенных фактов; использование особенностей маргинальных форм коммуникации (сплетен, слухов, партикулярного эпистолярия); 3) образы книжности и журнализма в литературе и публицистике использовались по-разному: писатели с их помощью для раскрытия темы своих произведений создавали вторичные – гротескные, пародийные, мифологизированные – образы мира печатной культуры, публицисты стремились к как можно более точному фиксации лейтмотивов дискуссий о роли печатного слова в обществе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Изучение истории читателя как одна из «задач историко-литературной науки» на протяжении XX столетия осуществлялось в трудах А. Белецкого, В. Прозорова, Н. Рубакина, Г. Сивоконя, Д. Чижевского. Множество интересных наблюдений по этой теме собрано в продолжающихся сборниках «Альманах библиофила». «История русского читателя», «Книга. Исследования и материалы», «Книговедение», «Книжник», «Чтение в дореволюционной России», «Чтение и время». Продолжают исследования в этом направлении и современные ученые, в частности В. Волкова, М. Зубрицкая, Ю. Мелентьева, М. Сергеева, А. Шапошникова, Р. Шартье, У. Эко и др. Журналистский дискурс в художественной литературе привлекал внимание преимущественно в связи с изучением критики, а также биографий и творческих поисков конкретных писателей. Сегодня взаимодействие эстетических кодов журнализма и литературы изучается в работах В. Владимирова, Е. Игнатъевой, И. Михайлина, В. Прозорова, А. Семенова, Э. Шестаковой и других.

2. *Лесков КС*. Собрание сочинений: В 12 т. - М: Правда, 1989. - Т. 10. -С. 248-327.

3. Харьковская журналистика начала настоящего столетия // Киевская старина. – 1892. – № 8. – С. 168-198.

4. Эта параллель отмечена, в частности, в статье О. Сидоренко «Близнецы» в Шевченковской энциклопедии (Рабочая тетрадь Б. - К., 2005, С. 174-175).

5. *Барвинок Ганна*. Половинщик (Этнографический рассказ) // Киевская старина. – 1888. – № 12. – С. 486-492.

6. *Лазаревский Ал.* Борозны (рубрика «Люди старой Малороссии») // Киевская старина. – 1887. – № 6. – С. 379-395.

7. Мемуары *К. А. Роцаховского* времени освобождения крестьян // Там же. – С. 396-451.

8. К редакторской деятельности Ф. Г. Лебединцева (Из письма в редакцию) // *Киевская старина*. – 1888. – № 5. – С. 65-66.

9. К 300-летию юбилею Ивана Федорова, первого московского типографа (5 декабря 1953 года) // *Киевская старина*. – 1883. – № 12. – С. 693-696.

10. *Науменко В.* К истории газетно-журнального дела в Киеве // *Киевская старина*. – 1884. – № 11. – С. 529-534; *Срезневский В.* Украинский альманах // *Киевская старина*. – 1893. – № 1. – С. 20-33; *Харьковская журналистика начала настоящего столетия* // *Киевская старина*. – 1892. – № 8. – С. 168-198; *Издание газеты «Минский листок»* // *Киевская старина*. – 1888. – Том 23.

Анотація.

Харитоненко О. І. Образи друкованої культури в літературі та публіцистиці другої половини ХІХ століття (за матеріалами «Київської старовини» 1882-1900 рр.)

Описані основні концепти журналізму і книжкової культури, які використовувалися письменниками та публіцистами кінця ХІХ століття для розкриття особливостей функціонування друкованого слова в суспільстві. На матеріалі творів М. Лескова, Т. Шевченка, Ганни Барвінок і нарисів, мемуарів, надрукованих у журналі «Київська старовина» в 1882-1900 рр., показано, як образи автора, читача, редактора, книги, газети, бібліотеки, актуалізовані в свідомості людини тієї епохи, моделювали дискурс літературної рефлексії – як на ідейному, так і на стильовому рівнях. Обраний об'єкт дослідження допомагає розкрити особливості рецепції творів друку в Україні ХУІІІ-ХІХ століть.

Ключові слова: книжкова культура і суспільство, журналізм у літературі, образи книжкової культури, рецептивна естетика.

Summary.

Kharytonenko E.I. Images of print culture in literature and journalism of the second half of the XIX century («Kiev antiquity» 1882-1900)

Described the basic concepts of journalism and literary culture, which have been used by writers and publicists of the second half of the XIX century for disclosure of the functioning of the written word in society. Shown (on the material of works of Nikolai Leskov, Shevchenko, Hanna Barvinok and essays, memoirs, published in the journal «Kiev antiquity» in 1882-1900), how the images of the literary reflection formed – both ideologically and on the stylistic levels. Subject of research helps to reveal features of the reception of printed works in Ukraine XVIII-XIX centuries.

Key words: book culture and society, journalism in the literature, the images of book culture, aesthetic of perception.

Статья поступила в редакцию 1.12.2014

Харитоненко Е. И. Образы печатной культуры в литературе и публицистике второй половины XIX века (по материалам «Киевской старины» 1882-1900 гг.) / Е. И. Харитоненко // Русская литература. Исследования : сб. научных трудов / Киев. нац. ун-т им. Тараса Шевченко; Ин-т литературы им. Т.Г. Шевченко. Редкол: А.Ю. Мережинская и др. – К. : Логос, 2014. – Вып. XVIII. – С. 102-114